

Эссе о лунном свете и дожде.

Дата последней корректировки: 22.09.99

Велтиста

И вот, который вечер в полнолуние
Я различаю контуры Велтисты,
И он, пройдя по серебристым струнам,
Садится по ту сторону окна.
Я знаю: дождь. Вода стучится в окна
С упорством неизвестного флейтиста,
Который слишком хочет стать известным
И досаждаёт музыке подчас.

Велтиста начинает: "Вы, должно быть,
Не сознаёте бесконечность мира;
Вы от него отделены годами
И коконами окон и дождя."
Я говорю: "Хоть мир и бесконечен,
Но кто сказал, что коконы конечны?
И если смоква не дарит плодами,
Садовника иль дерево казнить?"

Велтиста говорит: "Вся ваша мудрость
Не более песчинки в теплом море,
Где нет воды, а лишь песок и камни,
Где нет камней, а лишь вода песка."
Я говорю: "Воистину, куда мне
Угнаться за метафорой небесной!"
Велтиста усмехается, и зерна
На матовом запястии поют

Велтиста говорит: "Все ваши воды
Они текут и в вас перетекают."
И колокольчик лунного сиянья
Молочным звуком наполняет ночь.
Я отвечаю, также усмехаясь:
"Все очень просто, мой почтенный рабби:
Мы крезанулись на добре и свете."
Велтиста замолкает за окном.

© Тикки А. Шельен 1993

Друзья мои, на приведенный выше прекрасный текст я наткнулся в Интернете, в общем-то случайно, и почти ничего не знаю об его авторе. Текст заинтересовал меня чрезвычайно, причем я далеко не сразу смог понять, почему и чем. Но чем дольше я вчитывался в него, чем больше погружался в переплетение образов и смыслов текста, тем более понимал, что наткнулся на нечто настолько вобравшее в себя ядро издавна интересующих меня мифологем, что просто становилось не по себе. И было еще нечто постоянные и неожиданные пересечения с глубиннейшей тематикой некоторых любимых моих стихов. Но то не были заимствования про сто пересечения диктовались сходством мифологем, которое не зависело и не может зависеть от воли автора, но всегда диктуется подсознанием и крайне редко осознается.

Я позволю себе включать в текст своего разбора параллельные цитаты. В основном это будут цитаты из Виталия Кальпиди, хотя могли бы быть и другие.

И здесь я на берегу хочу извиниться, т.к. я человек в сущности раздавленный поэзией Кальпиди. По моему глубокому убеждению никто до него не выражал на русском языке с такой силой мощь и плубину мифа, разве что в ту доисторическую эпоху, когда миф в муках рождал сам себя, впрочем, на русском языке тогда не говорили, да вероятно, вообще не говорили еще ни на каком языке.

И да простят меня любимые мои поэты Иосиф Бродский, на чьих стихах я вырос, и чьи стихи читал своему новорожденному сыну, и Осип Эмильевич Мандельштам, чью поэзию нежно люблю вот уже 30 лет, но ни с кем из них не совпадал я так, как совпал с Кальпиди. Случилось это в 1986 году и длится до сих пор.

И слава Богу.

Говорю об этом потому, что читатели этой статьи имеют право знать о пристрастиях и вкусах ее автора.
Но вернемся к тому захватившему меня тексту Тикки А. Шельен, благодаря которому мы встретились с вами, и о котором, конечно же, не забывали ни на миг, не смотря на сделанное мной небольшое отступление в сторону.

Итак - разбор:

И он, пройдя по серебристым струнам,
Садится по ту сторону окна.

Окно **граница** между Велтистой и автором.

Я знаю: дождь. Вода стучится в окна

Вода эту **границу** окна пересечь не может.

С упорством неизвестного флейтиста,
Который слишком хочет стать известным

Неизвестный флейтист хочет стать известным.
По сути это означает, что он хочет из одного множества неизвестных флейтистов перейти в другое известных флейтистов.

Это означает также и то, что меж этими множествами есть **граница**.

Забавно все рассмотренные строки повторяют образ четкой границы, разделения. Зачем?

И досаждаст музыке подчас.

Досаждаст музыке подчас. Но музыка вне славы и множеств, она нечто иное, в другом измерении находящаяся.

Не досаждайте сильным мира сего и богам мелкими просьбами, друзья мои.

И здесь начинает звучать иная тема.

Собственно, начала она звучать раньше. Я намеренно ничего не сказал о строке "И он, пройдя по серебристым струнам...". Меж тем, тема музыки зазвучала именно здесь.

Строку эту можно понять двояко:

- Велтиста идет по серебристым струнам словно канатоходец
- Велтиста пробегает по серебристым струнам пальцами (играет на этих струнах).

В любом случае, струны обладают атрибутом серебристого цвета, что, если верить Проппу, указывает на их принадлежность иному миру, а в модели данного текста на связь струн и серебристого лунного света, связь струн и серебристого дождя.

Отметим сразу, что дождь образ, в высшей степени насыщенный семей плодородия, а то, что в нашем тексте, а точнее, в тексте Тикки он связан со струнами, с музыкой, насыщает семей плодородия, творческой потенции - и музыку.

Если, конечно, ей не досаждают, а служат ей усердно и терпеливо, занятия музыкой несомненно принесут плоды, и флейтист станет известным.

Велтиста начинает: "Вы, должно быть,
Не сознаете бесконечность мира;
Вы от него отделены годами
И коконами окон и дождя."

Опять появляется образ границы. Велтиста обвиняет автора текста в том, что сознание автора текста несовершенно, в сознании автора не укладывается бесконечность мира, и от этого бесконечного мира автор отделил себя множеством границ, множеством оболочек. Причем эти оболочки вложены одна в другую, наподобие матрешки: контуры автора, оболочка окон, оболочка дождя вокруг оболочки окон, вокруг оболочки дождя или в другом измерении, но тоже оболочка временная, оболочка лет.

Забавно, что если семантический ряд текста нащупан правильно, то его идентификатор с высокой вероятностью проявится в тексте.
Слово **отделены** (мы говорили о **границах**, функция которых **отделять**) прорезалось уже во второй строфе.

Я говорю: "Хоть мир и бесконечен,
Но кто сказал, что коконы конечны?"

Фраза о бесконечности коконов на самом деле более чем двусмысленна.
- возможно, каждый из коконов бесконечен, и это высказывание вполне легитимно. Ведь большая вселенная может спать в маленькой люльке, мы помним, как Тор не мог поднять котомку Локи, т.к. на самом деле это была не котомка, а гора, и мы знаем, что в малой капле океана отражена сущность всего огромного океана. Возможно кокон бесконечен, так как попросту иллюзорен, и то, что мы принимаем за уютный и обжитый кокон и есть холодный бесконечный космос, о котором говорит Велтиста.

- возможно, бесконечно количество коконов, и наше сознание обречено вечно воздвигать оболочки, дабы избежать осознания бесконечности и сохранить свою целостность.

И если смоква не дарит плодами,
Садовника иль дерево казнить?"

Аналогия со смоквой на первый взгляд прозрачна:
Сознание не приносит плодов, дерево сознание,
Человек садовник.

Если сознание несовершенно, то виноват его хозяин, не развивший свой разум должным образом. Все так, но ведь есть хозяин и у человека, тот, кто дал ему такой разум. И мы видим еще одну матрешку смыслов, или точнее, воронку смыслов, опрокинутую и расширяющуюся (сознание садовник-человек садовник-Бог) в ту самую бесконечность, которую, по мысли Велтисты, сознание автора текста не вмещает.

И еще один момент: обратите внимание, друзья мои, строфа завершается метафорой дерева и его плодов, то есть аккордом, связанным с плодородием.

Но точно таким же аккордом завершалась и первая строфа (о музыке, не принесшей плодов флейтисту). И как мы увидим далее, "растительным" аккордом завершится и третья строфа, только она вберет в себя и сему музыки, и сему плодов (в образе поющих зерен).

Как и сознание, мудрость человека бессильна, - так говорит Велтиста. Она как песчинка в теплом море.

Велтиста говорит: "Вся ваша мудрость --
Не более песчинки в теплом море,
Где нет воды, а лишь песок и камни,
Где нет камней, а лишь вода песка."

Внимание! Море предполагает воду. Воду ранее мы видели в тексте (дождь). Однако дождь в модели нашего текста противоположен этому теплему морю. В теплом море воды нет.

(Между прочим, - но это в сторону и в скобках, если море и дождь противоположны, и море теплое, то дождь должен быть прохладным. И холод хорошо рифмуется с лунным светом.)

Содержимое моря оплывает и меняется на глазах. То это песок и камни, то оказывается, что камней нет, но есть вода песка. Подобная трансформация вызывает ощущение миража. Марева. Иллюзии.
В мираже действительное одно перетекает в другое, и это нормально.

Я говорю: "Воистину, куда мне
Угнаться за метафорой небесной!"
Велтиста усмехается, и зерна
На матовом запястии поют

Что гораздо важнее и сущностней, песок и камни бесплодны. В отличие от воды. Употребление же словосочетания **вода песка** насыщает песок семантикой плодородия, один семантический ряд начинает перетекать в другой.

И это важно для нашего разбора начинается размывание **границ**, которые текст так упорно нагромождал в предыдущих строфах. Далее мы увидим, как зерна поют на матовом запястье (имеются в виду несомненно огранные словно зерна **камни** ручных браслетов или четок Велтисты) а мы видели, что сема музыки связана в высокой степени с семами комплекса плодородия. И эта сема заставляет текст превращать бесплодные камни в зерна чреватые урожаем, да еще и порождающие музыку.

*"Намокает заката густая грива.
Остывает **песка золотое проо**.
И в приливе содержится звук отлива,
Как в ответе содержится суть вопроса..."*
Александр Зиниград

Ну, что, похоже?

И еще один очень важный для нас аспект: автор текста отказывается от **соствязания**, которое ему **навязывают** (помните слово **досаждают**, встреченное нами в первой строфе?), или от **искушения**, которым его **соблазняют**.

И Велтиста усмехается в ответ. Чему усмехается Велтиста? В странной этой беседе возможны следующие варианты:

1. усмехается глупости автора;
2. усмехается удачному ответу;
3. усмехается, так как собеседник ответом поставил перед Велтистой задачу, которую Велтисте легко решить,
4. усмехается, так как, отказавшись состязаться в метафорах с Велтистой, автор тем самым бросил вызов, который Велтиста охотно принимает.

В моей модели правилен четвертый вариант, и мы далее увидим - почему.

Велтиста говорит: "Все ваши воды
Они текут и в вас перетекают."

Сему перетекания, однако, мы уже видели в тексте нет, не стихотворения, но этой статьи.

Я показал ее в размыивании образов, в стремлении образов текста к пересечению границ пространств и миров. Нет, мы не применим примитивный силлогизм, не станем делать вывод, что поскольку ранее говорилось, что *ваша мудрость вода песка*, а сейчас говорится о *ваших водах*, то есть это не воды, а песок в сущности перетекает.

Потому что это не так. Мысль Велтисты строит четкую ассоциацию: сознание мудрость воды, и в принципе все эти образы плодородны и плавно перетекают один в другой. Но все таки как же быть с водой песка? Что так царапает меня и настораживает здесь? Струя песка по сути своей мертва, и бесплодна, вот в чем дело, и если на нее перетекает семя плодородия, то что-то в этом есть от мертворождения.

И здесь я не могу не процитировать Кальпиди:

*... и, сияясь "О", как рыба на мели,
сказать, мисте... от судорог свободы
вся напряглась и: воды отошли,
ты не поверишь, **каменные воды -
мёртворождение** шло на всех парах:
отпал от пуповины страшный мелос,
и пуповина, обращаясь в прах,
спеклась, как кровь, в поэзию - не спелась,
а именно спеклась..."*

Сказал?

Остынь.

*Поэзия темна. А ты в Челябине,
а) муж, б) папа, в) любимый сын,
беснуешься, из пятитопной хляби
сучишь, глотая слюни, эту гиль
и вроде бы боишься вдохновенья,
отсутствие которого за стиль
ты выдавал, пока стихотворенье
тащилоь преднамеренно к концу.
Концу чего? Но правда на вопросы
и не умеет отвечать: к лицу
ли ей гримироваться под отбросы;
она не подответна никогда
и никому, поскольку безголоса, как блеск реки курносой (ведь вода,
когда блестит, по-моему, курноса).
Она блестит: **"Не в сторону добра
должна нагбенна быть душа любая,
а к Господу, который не игра
с надеждой на приобретение рая."**
Блестит вот так: "Всё, что не есть Любовь,
суть только формы; в оных, многократно
меняя их, из нас плывёт любой в
Любовь, а если нет - плывёт обратно."*

(Я привел столь большой отрывок, так как все, что в нем говорится удивительным образом связано с тем, о чем я пишу статью.

Но комментировать текст Кальпиди и параллели со стихотворением Тикки я не буду, не дурак же мой читатель на самом деле.)

Все перетекает в нашем непрочном мире, и нет, насколько я понимаю мысль Велтисты, ничего, кроме того, что подвижно перетекает, размывая границы меж миром и нами.

*... Все умирает, и живет, живет,
живет и склоняется то вправо,
где плавно непрозрачное плывет,
то влево, где оно плывет неплавно.*

(еще один отрывок из Кальпиди)

Опять автор статьи не удержался от цитаты, черт побери.

И колокольчик лунного сиянья
Молочным звуком наполняет ночь.

И вновь мы встречаем связь музыки, серебра и лунного света. Но здесь мы сотворим паузу о Дожде.

Когда идет дождь луны видно быть не может. Если это дождь обычный. Но все время в тексте Велтиста говорил голосом дождя и лунного света. И запястье его было матово (цвета молока и серебра). Так чем же были серебристые струны первой строфы? Лунным светом или дождем?
И был ли дождь вообще?

С первых строк текста шло перетекание сем и размывание их, подмена одного образа другим, и мне стыдно, что я не заметил этого ранее.

Но зато я заметил другое звуком лунного сияния наполняется ночь. Но не простая ночь, а ночь полнолуния.

Таким образом опять возникает структура матрешки, но матрешки заполненной.

Заполненная сама собой луна в оболочке заполненной своими же эманациями и звуками ночи.

Основное свойство текучей субстанции заполнять и исчезать.

Я отвечаю, также усмехаясь

Друзья мои, вдумайтесь в смысл искушения, которому Велтиста подвергает Сидящего у окна.

Твои оболочки, которыми ты отделяешь себя от мира так говорит Велтиста мешают тебе постичь его бесконечность, сознание твое ущербно а мудрость ничтожна. Разрушь же то, что ограничивает тебя, уничтожь все свои коконы, и ты постигнешь суть вещей, увидишь какие потоки пронизывают и связывают их. Об этом поют зерна на матовом запястьи Велтисты.

Но есть нечто, о чем Велтиста не упоминает, но что мы то с вами, друзья мои, не можем не заметить. Полное разрушение всех оболочек включая последнюю "тела плачущий пустяк" - дает лишь **Смерть**.

И значит пение зерен на запястьи подобно пению сирен, а Искушение Знанием в тексте -уподоблю искушению Фауста, или, если хотите, искушению змеем Адама в Раю (забавно, что Велтиста вписан в контекст дождя, но и о водяной природе мифологического Змея написаны тома).

И становится понятно, почему пространство текста залито серебристым лунным светом и почему подчеркивается, что все происходит в полнолуние время, когда оболочки мира Смертей и Рождений особенно проницаемы для энергий Мертвого Мира.

Но собеседник усмехается в ответ на усмешку Велтисты. И это означает, что отказавшись вступить в состязание, не поддавшись искушению постичь суть вещей, он - одержал победу, выиграл Поединок.

Выиграл, конечно, потому, что от всех сложных построений и провокаций Велтисты защищен.

Защищен по той простой причине, что его интересы лежат в другой плоскости.

Не познания сути вещей ищет он, но добра и света. Добро как известно, понятие профаническое, и это говорит о многом. Помните, выше у Кальпиди:

*...Не в сторону Добра
должна нагбенна быть душа любая...*

Что касается Света, то здесь все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд.

*...Ни снега, ни дождя не надо, нужен Свет,
который нас сведет практически на нет,
как профессионал, застукав нас с поличным.
(это была еще одна цитата из Кальпиди)*

"Все очень просто, мой почтенный
рабби

И вновь в тексте Тикки мы видим подмены-перетекания смыслов: ни одна деталь текста не давала основания для обращения **рабби**.

Велтиста присутствует в созданном текстом мире как лунный демон, или как ушедший в ночное бессмертие индийский мистик (судя по имени и браслетам), которому открыта суть вещей. И запомним: с ночью он связан, с полнолунием.

Мы крезанулись на добре и свете."
Велтиста замолкает за окном.

А замолкает Велтиста при упоминании о свете. А быть может, при заклинании светом.

И здесь пожалуй я приведу предпоследнюю цитату из Виталия Кальпиди:

*Гомер был зряч. Примерив слепоту
Казнённого вакханками Орфея,
он в слишком человеческом поту
шарахнулся от бездны, холодея
от бездны, чей обратный зренью дых
сжигал в золу неплотного зевеса,
во-первых, афродиту, во-вторых,
и аполлона с герою в довесок,
афину с запечённым между ног
влагалищем, что выложено в синий
мертвецкий мрамор (отчего лобок
её и летом покрывает иней) -
двумерные, они летели прочь,
гонимые струёй такого **света**,
что, проглотив себя, до точки ночь
свернулася перед зрачком поэта,
а он был зряч и, стало быть, готов
увидеть тьму, куда мы все влекамы,
фантомы принимая за богов,
раскрашенные фантики-фантомы."*

И этот отрывок, и причины, побудившие меня его привести, я комментировать не буду.

Ну не дурак же мой читатель, на самом деле.

И последнее.

Если некто крезанулся на добре и свете, значит этого ему не хватает.

Текст показывает нам мир Ночи. И на самом деле, мы не знаем, есть ли в этом ночном мире Свет, не лунное сияние, но свет, на поисках которого зациклился тот, от лица которого текст написан.

Ибо текст об этом не говорит ничего.

И если понять и принять это, то нам ничего не остается, как закончить разбор последней цитатой из Кальпиди:

*...Как мне хочется выйти из этой остуженной ночи.
Все случайно вокруг, но уже не случайно любимо,
А не наоборот. Повторюсь, хочешь, или не хочешь
Мы летели на свет, а потом разревелись, что мимо...*

Разбор завершен. Я намеренно не делаю выводов, так как целью моей было лишь выявить семантические ряды, а читатель сам расставит акценты. Мой читатель должен уметь это делать. Разумеется, я не строю иллюзий, что сумел исчерпать мифологическое и семантическое пространство текста, но если читатель в ходе этого разбора осознал нечто, чего ранее не видел, цель моя достигнута.

И дай вам Бог удачи.

Цуран, 4-10 сентября 1999 г.

Тикки А. Шельен

* * *

"... The murmuring of innumerable bees..."

Вот и все, мои живые, дальше с мертвыми пойду я.
Теплый ветер преисподней мои волосы раздует.
Теплый сумрак тучных пашен,
Горький мед огней вчерашних;
Я войду туда неслышно и растаю.
Вот и все, уже не слышу ни рыданий, ни обетов.
И глаза мои открыты и сияют синим светом.
Там бесшумно ходят рыбы,
Пчелы водят хороводы,
Как велит их потаенная природа.
Я вхожу в круговороты тел мохнатых и крылатых
В восковой короне мертвых и в плаще из грубой шерсти,
И, во мне признав царицу,
Хоровод струится мимо.
Мириады серых тел, как клочья дыма.
Хоровод растет, качаясь, вьются маленькие пчелы,
Смуглый сумрак насыщая медом темным и тяжелым.
И пчелиная царица
Кружит в вихре хоровода
Среди серого крылатого народа.
Кружит мертвая царица,
Раскидав сухие руки,
Над слепую головою
Пчел безумных мириады...

11.01.93

Виталий Кальпиди.

Из книги "Сады мертвецов"

... а душа над могилой висит на манер дирижабля,
то стремится удрать, то себя зажимает в щепоти
узколищего ангела, севшего вычистить жабры,
ибо в околоземном они засорились полёте.

По садам мертвецов браконьерствует плач, т.е. память
наших липких фантазий и сорокадневных поминок.
И гудит над столами с закуской невидимый пламень,
и зовёт мертвецов, что зубами вцепились в суглинок.

Не рыдайте по ним, не кричите им в снежные спины,
не тяните назад напряжением собственной воли
и не ставьте у них на пути поминальные мины,
на которых они подрываются, воя от боли

по садам мертвецов, где шныряют зеркальные осы
и срывают ветра амальгаму зеркальных растений,
и зеркальные листья, когда начинается осень,
облетая, не в силах отбросить ни шума, ни тени.

О сады мертвецов, где бушуют зеркальные ливни:
это слёзы живых протекли, не стыдясь пережитков,
на кудыкину гору, за пересечение линий,
на земле - параллельных, а тут - не поверите жидких...

О, летят мертвецы по туннелю Великого Гнева,
завернувшись, как в кожу, в огонь заземлённых страданий;
позади - ничего, впереди, а точнее, чуть слева,
начинает дымить не туман, а надежда в тумане...